

**САША
АНГЕЛ**

**ИЗНАНКА
КАПЛИ**

16+

Саша Ангел
Изнанка капли

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Саша Ангел

Изнанка капли / Саша Ангел — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что такое изнанка капли? Чтобы понять это необходимо погрузиться в сознание главного героя, увидеть обыденное несколько другим - гипертрофированным, измененным и неоднозначным. Внешний и внутренний мир пульсируют и наступают друг на друга, попеременно овладевая героем, но в конечном итоге ему предстоит решить, где остаться. Этот роман является путешествием в поисках ответа на этот и многие другие вопросы. Но вы ничем не стеснены - можете начать читать с середины или с самого конца, каждый раз это будет видоизменять историю. Внешне роман "Изнанка капли" может показаться чем-то несвязным, но тем и интереснее разобраться с тем, что спрятано внутри него. Эта разрозненность скорее внешняя, но это только первый слой, за которым... А впрочем, есть там что-то еще или нет, решать каждому читателю. Автор надеется на то, что это произведение подарит читателям пусть и неоднозначные, но яркие впечатления.

Содержание

Предисловие	5
Мир цвета	6
Формы	8
Капля	9
Вероятность гибели	10
Под яблочной кожурой	11
Комок червей	12
Иллюминация	13
Мертвый дом	14
Замешательство	16
Строительство	18
Смотритель	19
Переход	20
Старые глаза	21
Подсчет	22
Кофейная гуща	23
Стрелки на лице	24
Синий свет	25
Надежда	27
Разговор с емкостью	29
Дом в цветке	30
Осадок в стакане	33
Равнина в переулке	34
Рамки	35
Роды	36
Открытая форточка	37
Захлебываюсь в кровати	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Предисловие

Все, что было вчера,— то, как сон поутру,
Как хотел я б его поглядеть наяву.
Мой папа

Мир цвета

1

Белое пространство, столь белое, что больше ничего нет. Но это пока. Этот цвет растворяет сам себя, превращаясь в ничто, и таким образом снова и снова возрождается в себе самом. Чем больше он растворяется, тем больше самого себя он образует и густеет.

Это колыбель цветов. Место, где мы рождаемся в текущем и плещущемся белом цвете.

Появляется небольшая капля, несущая в себе новый оттенок, и вторгается в идеальный белый.

Лежащие в капле частицы объединены в небольшую массу. Громада белого проникает и по кусочкам растворяет содержимое капли, роняя в себя тот или иной элемент, – так появляются новые цвета.

Эти чуждые белому цвета просачиваются сквозь белый и попадают в мир разнообразных цветов.

2

Всполохи трещин, меняющих оттенки. Волны темно-зеленого цвета смывают эти трещины, заполняя их.

Каждая трещина ударяет в воронку.

Воронки закручиваются с такой скоростью, что брызги цвета летят далеко в сторону.

Поодаль от них граница между зеленым и синим. Эти цвета, наступая друг на друга, пытаются поглотить всполохи трещин тут и там.

Каждый цвет перекачивается из одного оттенка в другой, меняя свое место.

Прямой линией проведен красный. Расширяясь, он постепенно тускнеет, пока не исчезает полностью в темно-коричневом, и редкими кусочками виднеется в воронках.

У основания синего копошатся желтый, фиолетовый, перламутровый...

Шарики белого беспорядочно парят, избегая всего, что может смешаться с ними.

3

Выпуклость растет, пульсируя и истончая поверхность фиолетового. Сквозь его тонкую пленку уже проглядывает оранжевое зарево, подавляющее его до бесцветного состояния. Это самое тонкое место в нем.

Бесцветный присутствует везде. Идеальные границы владений цветов, впившиеся друг в друга, – он обволакивает все. Этого нельзя увидеть, но можно быть частью этого потока.

Поток вынесет к пределу пространства синего, зеленого и желтого.

Фиолетовая пленка лопается, и из нее вырывается громада красного. Она растет все выше и выше и наконец останавливается.

От верхней точки идет напряжение в виде черных спиралей, закручивающихся обратно к фиолетовому. Из нее появляется росток белого, девственно-первородного состояния.

Проносящиеся мимо белые капли меняются и устремляются к новому дереву.

Перед этим они словно зависли на месте, но только на миг.

Точки медленно и мягко присоединяются к выросшим ветвям этого дерева.

Белый мутнеет, вбирая в себя окружающее. Плоды избавились от своей сущности и под собственной тяжестью падают, катятся вниз. Каждый из них, не успев достигнуть окончания склона, разбивается кляксой – розового, коричневого, пурпурного...

Часть цвета стекает все же на фиолетовое плато, окрашивая его.

Из этих клякс вырастают новые фигуры. С определенной периодичностью вспышка бесцветного заставляет одну из этих фигур выворачиваться наизнанку и вминаться обратно в другую сторону. Где-то образуется сейчас новая реальность. Переливание мира.

Зыбкая гладь, по которой перетекают формы. В пути они меняются, лишаясь отваливающихся тут и там частей. Но к ним прибиваются частицы других, заменяя выбывшие.

Под едва проницаемой кромкой голубого – серебристый, багровый и розовый смешиваются в новые цвета. Но они остаются за завесой голубого.

Синий темнеет и густеет, проявляя на поверхности сгустки черного, медленно сползающие к кромке темно-желтого и фиолетового.

Каждый цвет выделяет такие сгустки, вместе они образуют разноцветный полип, к которому присоединяются новые оттенки. После себя он оставляет смазанную прозрачность.

Река, несущая себя во все стороны.

Фигуры, небольших размеров, что размашисто поворачиваются и растекаются на десятки потоков, которые в свою очередь распадаются на еще более тонкие ворсинки, образуя сеть, словно ловя что-то.

Но в эту сеть попал только бесцветный.

Вобрав бесцветное внутри, разбавляя им себя и переворачивая все вокруг, внешне прозрачная сфера летит в самый эпицентр.

Белый цвет.

Формы

Волна. Волна. Волна. Волна. Волна. Волна.

Разбивка на точки. Бессистемное движение.

Волна. Волна. Волна. Волна.

Квадрат. Куб. Углы – волноразделы. Столкновения.

Повторение простейших форм. Углы притупляются. Волна. Волна. Волна.

Снова волна.

Линии округляются, плавно переходя в новое качество.

Круг. Сфера.

Волны. Круг. Волны. Круг.

Точки разлетаются и попадают на окружность.

Линии гнутся и пересекаются, свиваясь в клубок. Вплетаются все новые и новые линии, разной толщины. Объем.

Набирается. Растет.

Раскальваются фигуры, образуя новые углы, неровные поверхности, по которым скользят летящие в разные направления искривленные плоскости.

Углы балансируют друг на друге, кренясь от одной сферы к другой.

Капля

Позиции распределены.

Но небольшого толчка достаточно, чтобы капля сдвинулась со своего места. Гонка началась.

Резкий рывок вниз, и в ее орбиту попадают другие капли, поглощаемые ею. С каждым таким столкновением она становится больше. Ее масса несет ее вперед со все возрастающей скоростью.

Двигаясь по замысловатой траектории, она неизбежно теряет частички себя, что в отрыве от основной части не способны двигаться. Они остаются на месте – их еще подхватят.

А может, и со стороны будут привнесены дополнительные частицы, что позволят им сдвинуться с места и проследовать дальше...

Большая капля на полной скорости влетает в скопление крошечных статичных частиц и в своем ускорении сливается с потоком, несущимся прочь.

Вероятность гибели

Несущаяся вниз гибель. Вдребезги разломанная прямоугольная фигура. Падение продолжается кривой лестницей – кромсающей мягкие ткани.

Далее плато, по которому и пролегает мой путь. Каждый шаг приводит к тому, что я меняю свое положение в пространстве и погружаюсь в рыхлый слой колючего снега. Вслед за мной летят обломки зданий, обваливающихся вокруг. Машины, не успевая затормозить, норовят превратить меня в смесь, не содержащую уже ничего живого.

По прямой осталось совсем немного. Сопровождает мое продвижение падение стоящих по обе стороны от дороги деревьев. Перекатываюсь среди них.

Впереди дорога сходится, и в этой точке я буду зажат в тиски этой реальности – нужно проскочить этот участок. Быстрее.

Вхожу и сажусь, буквально оседая в кресле. Обессилен.

Здесь тепло, и я чувствую, что, как сосулька, тает мой позвоночник.

Под яблочной кожурой

Мы сидим в соке, движемся в мякоти яблока. Вокруг мир, существующий в форме столбцов, окружностей и линий, в которые и ведет яблочный сок, и питает их.

Мне хотелось бы попасть в одну из косточек, испытать, каково это.

Чувствуется давление: сок ускоряет свое движение по внутреннему пространству яблока. Меня сжимает и пригибает все ниже и ниже. Я сползаю и отделяюсь от основного потока. Теперь я оказываюсь возле наполненных жизнью клеток и тканей.

Двигаюсь к ближайшей из них, чтобы после отправиться к сердцевине.

Но я не успеваю. Светло-зеленый купол сверху срывается с места, унося вместе с собой часть окружающего меня ландшафта.

Как же плохо... Клетки окисляются, превращаясь в жалкое подобие самих себя, на которых равномерным слоем выступает темно-коричневый налет. С его появлением гибну и я, так и не успевший к косточке...

Комок червей

Вокруг темнота.

Я остался один, в ожидании сна. Но чтобы уснуть, мне нужно провести ритуал.

Клубок червей, что копошится за закрытыми веками, расползается в беспорядке, словно пытаюсь пробраться мне за глазные яблоки.

Мысленно цепляю одного из них и тяну, стараясь не разорвать его. Он медленно, но все же поддается мне, меняя расцветку. Цвет теперь другой.

Вытянув его полностью, я избавляюсь от него.

Мне становится полегче, хоть и чувствуется усталость. Также медленно, как и вытаскиваю червя, постепенно засыпаю.

Но с ними не покончено. Каждую ночь я вытягиваю по одному, но их число не меняется.

Иллюминация

С большого расстояния это сооружение выглядит как очень высокая, ярко освещенная башня. Она образует единый силуэт.

Но стоит подойти поближе, как станут видны отдельные элементы, из которых она состоит.

А состоит она из прозрачных капсул, в которых без сознания лежат больные люди. Если подойти вплотную, то можно разглядеть их изможденные лица и сделать вывод, что больны они очень серьезно.

Медицинское оборудование, то есть сами капсулы, светится различными датчиками, что отражают работу оборудования, поддерживающего в людях жизнь.

Но энергия затрачивается на них, и потому капсулы объединили, и теперь это сооружение выполняет роль иллюминации.

Время от времени лампочки в ней перегорают, но это быстро и оперативно исправляется специальными работниками.

А ведь действительно выглядит красиво?

Мертвый дом

1

Давно опустевший дом. В нем нет мебели, одни лишь бесформенные завалы, что срослись с пылью и между собой, да так, что непонятно, из чего они состоят.

Стены черны и покрыты различными надписями и рисунками. Чаще всего попадаетея рисунок, на котором схематично изображена девочка.

Надпись: «14 дней без тебя».

Все стены покрыты этими рисунками, и на каждом из них девочка немного, но разная, чем-то да отличается от других.

«Где ты?», а под этой надписью стерто изображение.

2

Небольшая комната. Мне не видно откуда, но на стены льется солнечный свет. Запах горелого. Стены черны, кое-где проглядывает потрескавшееся от жара дерево.

Прислушиваюсь к скрипам, звук такой, словно деревянные части соприкасаются между собой. Но это тут же все затихает. Тишина.

«400 дней без тебя».

Рисунок видно плохо из-за копоти и сажи, однако деталей на нем больше, чем на предыдущем: у изображения девочки прибавилось волос, у нее словно заплетены косички.

3

Вокруг суета. Люди снуют туда-сюда по коридорам, передавая друг другу какие-то указания, и все это сливается в неразличимый гул и топот ног.

Я беру ее за руки, и мы бежим прочь, ища места потише.

Совсем не помню ее лица и так тороплюсь, что не успеваю посмотреть на нее прямо и вспомнить. Только сжимаю ее ручку и краем глаза вижу, что рядом со мной бежит маленькая девочка.

Нас останавливает красиво одетая женщина и с улыбкой говорит:

– Будет шумно. Но вы можете посидеть в той маленькой комнате, с зеленой дверью.

И только показала пальцем, куда нам следовало пойти.

– Это в конце коридора, последняя дверь налево. Там рядом стоит небольшое кресло, в котором сидит мальчик и читает книги.

Сказав это, она ушла.

Мы прошли по коридору, и действительно – зеленая дверь оказалась здесь и была чуть приоткрыта, но что внутри комнаты, видно не было.

В кресле сидел мальчик и читал. Рядом еще стоял небольшой столик, на котором аккуратной стопкой возвышались книги.

Мальчик имел недовольный, несколько надменный вид. Мы прошмыгнули мимо него в тесную комнату и прикрыли за собой дверь.

4

В темноте мне вновь не удалось улучшить момент и посмотреть на свою спутницу. Несмотря на закрытую дверь, комната была наполнена звуками со всего дома, словно собранными здесь. Каждый раз, как я заговаривал с ней, она только смеялась.

На секунду сквозь шум я услышал, как в темноте мне на ухо прошептали «Где ты?».

Снова пустая комната. У рисунка девочки на стене красным была искренняя улыбка.

5

Это ведь ты на стенах. Верно? Ответь мне!

Но в темноте слышно только, как она подходит ко мне и ведет к еле заметному источнику света.

Какая же большая эта комната, ведь мы уже идем очень долго к нему.

С каждым нашим шагом шум утихает, и около самого источника света – отверстия, по форме напоминающего замочную скважину, все стихло окончательно.

Я посмотрел в нее.

Было видно полукруглый зал, в середине которого женщина, что посоветовала нам пройти сюда, в эту комнату, танцевала с человеческими манекенами.

Она вела. Ее властные и резкие движения ускоряли танец, и она каждый раз отрывала различные части несчастных манекенов. Отбросив очередную руку или ногу в сторону, она обращалась за советом к сидящему в стороне мальчику с книгой. Он учтиво отвечал ей, что нужно сначала научиться танцевать без партнера, порепетировать с самой собой. На это она только хватала следующий манекен, и все повторялось вновь.

6

Солнечный свет на стенах комнаты меркнет. Углы сразу стали объемнее, темнее.

«1347 дней без тебя».

Мне не видно деталей рисунка. Нужно больше света. Нужно подсветить.

7

Дорога обратно к двери заняла столько же много времени. Мы шли в полной темноте, думая каждый о своем. Я доверился девочке, и она вела меня. Шум не возвращался. Дверь открылась, и мы вышли в коридор.

Как все изменилось.

Кресло прогнило, покрылось толстым слоем пыли и превратилось в настоящую рухлядь, а стопка с книжками и вовсе исчезла, и на ее месте была горстка трухи.

А в кресле также сидел мальчик, но сам уже как-то внешне усохший и грязный.

– В этом углу пыльно, знаете ли, и сидеть тут неприятно. Еще хочется чихнуть, но это вас бы потревожило.

Я хотел уже помочь ему, но он очень нетерпеливо завозился, подняв все эти частицы в воздух, убежал неизвестно куда.

А облако пыли поглотило нас, полностью накрыв.

8

«Ты не пришел».

Внизу рисунок все той же девочки, но длинные волосы на нем перечеркивают силуэт, а остальные мелкие детали скрывают его.

Замешательство

1

Я не понимаю. Совсем недавно все было хорошо, я чувствовал себя отлично и не подавал даже признаков приближающейся болезни. И вот...

Началось это около недели назад. Кожа на теле стала чесаться и зудеть. Так бывало и раньше, но чтобы настолько сильно – никогда.

Мне не спалось, и только под утро провалился в сон.

Проснулся я от того, что кто-то мягко трогал мое лицо, руки, все тело. Я открыл глаза, точнее, распахнул, испуганно вскочил, озираясь и ища того, кто меня разбудил таким образом.

В комнате никого не было. Только я попытался протереть глаза спросонья, как нервно вскрикнул, уставившись на свою руку: на коже выросли маленькие, совсем крошечные ручки и активно шевелились.

Они трогали мою кожу, откуда и росли, дергали волоски и в целом вели самостоятельную жизнь. Так непривычно было двигать руками, ведь эти ручки оттягивали кожу на них в разные стороны с поразительной для их размера силой, доставляя значительный дискомфорт.

Но мое внимание переключилось с рук, когда я почувствовал те же ощущения во всем теле. Стал ощупывать свое лицо. Да, ручки были и на нем. Некоторые из них держались за волосы, другие пытались сцепиться с ручками на моих руках. Все время лезли в глаза, дергали за ресницы и оттягивали веки.

После долгих поисков я нашел щипцы и попробовал избавиться от этих надоедливых наростов. Но когда я после нескольких попыток схватил ими один и почувствовал боль, то понял, что это часть моего тела, как и настоящие руки.

Мне теперь ведь никуда не выйти, пока я не решу эту проблему.

Оторвать нельзя, другие механические способы также не подойдут.

Хочется спать, но нельзя, вдруг во время сна вырастут новые.

2

Нет, придется выйти, мне нужен врач.

Надеваю максимально закрытую одежду и иду в больницу – хотя сам не знаю, решусь ли до этого врача дойти и обратиться к нему.

Скорее, пока не передумал.

Натянув капюшон на шапку и подняв шарф, опускаю голову и скорым шагом иду по улице.

Шапка все время сползает на глаза, цепляемая ручками. Под одеждой они стали еще активнее.

Вот я перед кабинетом врача. Моя очередь заходить.

Забываю поздороваться. Сажусь сбоку от него и отдергиваю капюшон от лица.

Врач спрашивает о том, что беспокоит меня, на что я жалуюсь и когда это началось.

Рассказываю ему, что у меня некоторые проблемы с кожей. Он внимательно изучает меня, торс, лицо и руки, смотрит со спины. Ручки во время этого больно щипали меня, и я невольно жмурился.

– Одевайтесь.

Спешно оделся и вернулся на свое место, чтобы узнать, что мне скажет доктор и что посоветует. Может, и пропишет средство.

– У вас все в порядке, единственное – есть небольшое раздражение на коже, но пока не стоит принимать никаких лекарств. Скорее всего, это нервное. Вам нужно отдохнуть.

Что? Неужели он не заметил? Это просто невозможно. Или показалось мне?

В полном замешательстве я вышел из кабинета, расплываясь в улыбке.

Внутри хотелось рыдать и биться о стену от отчаяния.
А ручки на лице заставляли меня изображать широкую улыбку.
Они стали еще сильнее. А я наоборот.

Строительство

Небольшой район выстраивается на моей голове. Звуки, образы – все наслаивается, смешиваясь с волосами, и спутывается на фундаменте.

Здесь не предполагается стандартная планировка, высотность тоже не регламентируется. Что до жильцов – их список еще не утвержден.

Треугольные дома – для мечтаний, в форме спиралей – для гостей, что задержатся ненадолго.

Сверлят, идет внутренняя отделка – голову пронизывают с помощью стержней боли во всех направлениях. Но так и строятся спиральные дома для гостей – нужны полости для этого.

Этим активно и занимаются мои строители. Гости смогут выходить поговорить со мной в любой момент из своих спиралей.

Правда, весь этот стук и грохот мешают мне сосредоточиться – несколько треугольных домов практически закончены, а собственно жильцов еще нет и в помине.

Зато как много гостей. Может, заселить их в треугольники?

Смотритель

Дверь незаметно открылась. Повеяло сквозняком – пыль с пола немного поднялась, крупица за крупницей высыпалась пустыней. Здесь совсем никого нет, только ветер рисует на барханах свои послания, прочесть которые никто не в силах.

Смотритель осторожно закрывает дверь – эта комната еще пригодится, но не сейчас. Он идет по коридору, представляющему собой прямую с бесчисленным количеством ответвлений, проверяя каждую из дверей, оканчивающуюся точкой.

1

Жирная, маслянистая земля, поросшая зеленой травой, из которой тянутся едва заметные нити, движущиеся вверх и сталкивающиеся в одной точке. Немного погодя из этих частиц образуется человек, слой за слоем, начиная от нервов, костей и внутренних органов и заканчивая кожей и волосами.

Только что созданный человек невидимой силой подхватывается и взлетает вверх, словно брошенный как безжизненная кукла. Он также смешно и неестественно дергается во время своего недолгого полета.

В воздухе парит небольшая платформа, на которой ничего нет и поверхность которой перпендикулярна земле, с которой оторвался человек. Он на полной скорости влетает в платформу и разбивается о поверхность.

Его плоть, все сложнейшее переплетение органических тканей разрушается, превращаясь в такой же поток частиц, летящий вниз, на землю, пылушу зеленью.

Все пространство здесь наполнено только этим – взлетающими потоками человеческих тел и дождем из их останков.

2

Плато, основание которого состоит из ногтевой пластины. Лезвия ходят где-то вдали и разрезают со скрежещущим звуком.

Звук приближается, непонятно, куда бежать, ведь скрежет раздается со всех сторон и лезвие, судя по всему, все больше сужает пространство свободы.

Впечатываюсь белым пятнышком в пластину, в надежде, что меня не заденет.

Звук оглушает, становится невыносимым.

Лезвия сходятся в одной точке.

3

Ванная, наполненная до краев.

Человеческое существо, которое я когда-то любил, выплескивается через край на пол.

Сижу там же, весь промокший, все еще не знающий, что предпринять.

Нужно либо уйти, либо броситься в пенящийся ужас в метре от меня.

Пузырьки глаз лопаются, не отводя от меня взгляда.

Я принял решение.

Переход

Тонкая, прозрачная как воздух пленка. Идеальная во всех отношениях, кроме одного – точки на ней. Совсем маленькой, но яркой – такого густого черного цвета, что она не может быть незамеченной.

За пленкой люди, предметы, природа – целый мир, движущийся в разных направлениях, несущийся то прочь от этой преграды, то прямо на нее, но так и не способный сделать ни того, ни другого.

Часть мира, пытающаяся нагнать пленку, хочет проникнуть за ее с виду хрупкую грань и взглянуть на себя со стороны. Другая же половина страшится этого и в своем побеге отчаянно отрицает само ее существование.

Но все это не имеет значения перед тем фактом, что от черной точки не уйти никому и ничему.

Под действием ее силы предметы расплываются, искажаясь в ней, и в итоге распадаются на едва заметные частички. С людьми происходит тоже самое, что и с природой: в отношении всего эта точка действует одинаково.

Исключений нет.

Старые глаза

Глазные яблоки. Неподвижные. Размер зрачков не увеличивается, не уменьшается.

Глаза смотрят в одну точку. Не отрываясь. Влажная поверхность глаза незаметно для наблюдателя испаряется. Чувствуется напряжение, начинают лопаться первые капиллярные сосуды, придавая глазам все более уставшее и изможденное выражение. Вокруг глаз все темнеет, все, что было для них фоном, тускнеет и исчезает, превратившись в темный занавес, на котором одинокие и раньше времени постаревшие глаза остаются единственными точками, отличающимися от однотонного окружения.

Новые и новые капилляры лопаются, наполняя глаза кровью. Зрачки также изменяются, чернеют.

Цвет фона и цвет зрачков теперь одинаков, как будто зрачки – это и есть часть темного фона, что прорвалась внутрь глаз. Кровь уже заслонила белки, полностью скрыв их.

Радужка, прежде нетронутая, сужается до тонкой полоски, опоясывающей резко увеличившиеся зрачки. Темнота сгустилась еще сильнее, скрыв красные, отсмотревшие свое глаза.

Подсчет

Пять с этой стороны, шесть с другой, сделаю еще пару раз, а потом сравню.

Сейчас глубокая ночь, и я подвожу итог дня.

Не помню ничего особенно интересного из того, что случилось сегодня. Сидел взаперти и смотрел в окно. Было еще что-то, но это мелочи.

Я стучу пальцами одной руки друг по другу. Большими по указательным. Весь мой день сопровождается этим ритуалом. Не могу найти себе места, если долго не уравниваю количество таких щелчков на одной руке с другой.

Какая же все это чушь – все, что я делаю. Эти встречи, разговоры – только щелчки, попытка привести все к одному знаменателю.

Руки едва заметно дрожат.

Встряхиваю их немного, а затем и хорошенько – никаких изменений. Тру пальцами глаза. Нужно поспать.

Указательным пальцем провожу по глазу три раза, а большим – всего лишь дважды, значит, сейчас сделаю...

Кофейная гуща

Котлован, на дне которого находится мой участок. Плодородная почва позволяет мне выращивать все, что я хочу. Мягкая, немного сырая земля – кофейная гуща, от которой идет едва заметный пар.

Стенки котлована вмещают все новые и новые объемы грунта, материала для меня. Его так много, что я построил здесь город.

Когда мне хочется отдохнуть, я зачерпываю руками немного гущи и с приятным ощущением размалываю маленькие частицы в ее составе. Это и отдых, и улучшение свойств земли одновременно.

По стенкам сползает ко мне белая лавина, сметающая все на своем пути и взбивающая все в смесь кремового цвета, в которой во взвешенном состоянии плывут частички кофе, я и огромная металлическая ложка, движущаяся по кругу и уничтожающая плоды моих трудов вместе со спокойным существованием.

Урожай зданий, построенных из кофейной гущи, погиб.

Струя воды смывает остатки, но я вернусь сюда, чтобы снова начать свое дело.

Стрелки на лице

Смотрю на собственное лицо. Металлические, серебряного цвета стрелки движутся по нему. Они наталкиваются на препятствия, но не останавливаются, а упорно движутся дальше, сминая все на своем пути.

Стрелки натолкнулись на мой нос и сдвинули его, переместив на другой участок лица. С каждым оборотом от моего прежнего вида остается все меньше и меньше. Глаза, смешанные стрелками в одну небольшую кляксу, продолжают смотреть. Они не могут прекратить делать это.

Волосы наступают сверху, медленно разрастаясь, и попадают в это месиво, цепляясь за стрелки, обламываясь и сминаясь. Они смешиваются с чертами моего лица, принося свой оттенок в получающуюся смесь.

От кляксы раздавленных глаз тянется слеза.

Этой капельке удастся не попасть в жернова стрелок, и она впадает в каналы на моей шее и движется по ним, разделяемая на многие, еще более мелкие капельки.

Они в свою очередь питают меня. Одна из частей достигает спиралей в ладонях и впитывается там. Механизм приведен в действие, и пальцы задвигались, с емкостями на их кончиках. Они рыщут в воздухе, собирая влагу, чтобы по тем же каналам направить ее уже в другие части тела.

Так каждая из многочисленных спиралей на моем теле приводит в действие части механизма.

Организм разогрет, он движется, активно что-то делает. Из едва заметных пор выделяется пот. Эти микрочастицы сбиваются в капли, что волной проходят по моему телу, стирая все изменения.

Прошли и по лицу, восстановив его прежние очертания.

Теперь я узнаю себя.

До завтра.

Синий свет

1

Необходимо двигаться как можно быстрее. Только скорость может обеспечить безопасность.

Какой бы участок цветового спектра ни оказался перед тобой, все может измениться мгновенно. Ты можешь случайно оказаться на участке синего цвета и не успеть вернуться оттуда или проскочить его. Это смертельно опасно.

2

Совсем короткие, сжатые до миллиметров промежутки – на них я позволяю себе притормозить и ощутить, как меняюсь под влиянием определенного цвета, в котором сейчас нахожусь. Это совсем легкое ощущение, и длится оно недолго. Гораздо удивительнее тогда, когда из одного цвета погружаешься в совершенно другой, но без плавного перехода. Можно обнаружить себя оттенком, которым в своем нормальном состоянии попросту не можешь стать.

Это были мои первые исследования, которые я проводил осторожно.

3

По прямой двигаться безопаснее, так как все смешано вокруг и часть цветов отсеиваются в ходе движения.

Снижая скорость и просчитывая заранее траекторию своего пути, увеличивал продолжительность нахождения в разных цветах.

Освоившись с этим, можно было продолжать.

4

Теперь движение стало более хаотичным, и не в одной плоскости, а в нескольких. Это сильно все усложнило, но результаты впечатляли. Несколько цветов смешивались в новые и давали особые оттенки, а затем попадали под действие новых цветов. И все это происходило во мне. Я усложнялся.

Скорость возрастала, а вместе с ней возросло и количество вопросов и загадок.

5

На высокой скорости мне стал попадаться все чаще синий цвет. Пусть и совсем небольшие промежутки, но я ощущал их действие на себе. Также, как и с другими цветами, я изменялся сам, но синий цвет заменял меня самого в себе. Ввиду того, что теперь я чаще стал проходить через синий, то постепенно смог накопить некоторые сведения об этом.

Остатки других цветов, что на совсем крохотный промежуток времени остаются на мне, составляют некоторое препятствие для синего, который сначала поглощает эти следы, а затем проникает в меня...

Значит, нужно двигаться быстрее и еще хаотичнее.

6

Мне страшно. Нужно на время приостановить свои исследования. Буду двигаться в русле одного и того же цвета. Эти пути устоялись уже давно. Здесь я не один. Но мне, несмотря на страх синего цвета, не хватает этого ощущения свободы, когда ты пронесишься сквозь все цвета и оттенки, каждую секунду сбрасывая с себя остатки ярких красок.

Но еще мне хочется узнать одну вещь: если, пролетая через пространство, я все время нахожусь под влиянием других цветов, могу ли утверждать, что мой собственный цвет принадлежит мне самому или это только иллюзия?

Одним словом, я хочу узнать, есть ли первоначальный цвет.

7

Мне надоело двигаться в этом бесконечном потоке зеленого, желтого и других цветов. Одноцветный поток словно туннель, замкнутый сам в себе. Мне это не нравится. Будь что будет. Стоит отправиться через синий цвет и попытаться пройти через него.

8

Разгонюсь как можно сильнее среди обычных цветов и на полной скорости ринусь в сторону синего спектра. Цвета, оставаясь на мне, накапливаются, скорость не позволяет им сойти окончательно – я начинаю сливаться с ними, сохраняя в сердцевине немного себя. Совсем недолго вижу белый, который исчезает, но перед этим успевает пару раз мигнуть мне.

Пора, я развил достаточную скорость. Резко меняю направление движения, спиралью пролетая вперед.

9

Цветы все быстрее перемешиваются. Между ними вкрапляется синий.

Моя защита из других цветов еще сдерживает его, хоть и ослабевает с каждым разом.

Я должен преодолеть синий и вырваться туда, где раньше никто не бывал. Может, первоначальный цвет, влияющий на все и искажающий и меня, находится там?

Еще быстрее. Последние цветы сошли, оставив меня беззащитным. Я меняюсь, поглощенный внешне успокаивающим синим цветом.

Это конец, широкая полоса синего расстилается передо мной и ее окончания не видно. Но я не жалею. Еще одно усилие...

Надежда

1

Меня распяли на старой, продавленной и скрипучей больничной койке.

Эта койка для меня – все то, чем ограничивается пространство, в котором я могу действовать, за остальным я только наблюдаю.

Вдоль стен стоят такие же кровати, как и у меня, на которых сидят или лежат такие же в точности пациенты. Я здесь совсем недавно, а потому лежу и не двигаюсь. Не способен уснуть, даже глаза закрыть, так сильно болят руки и ноги, пронзенные гвоздями. Врач сказал, что через неделю и я смогу двигаться. Я ему не верю.

2

В окна ничего не видно, только яркий свет, заливающий все пространство палаты. От всех этих мучений так сильно болит голова, что хочется скорее провалиться в то бредовое состояние, которое только жалкое подобие настоящего сна.

Глазеть по сторонам не тянет, но делать все равно нечего.

Часть кроватей пуста. Они аккуратно заправлены, так что даже нет и следа от прошлых их владельцев. На других кроватях пациенты, которые могут двигаться, сидят, и время от времени они уходят или помогают уйти, а после они возвращаются. И так до следующего приема пищи. Оставшееся время большинство из них ничего не делает, просто переговариваются между собой. Обычная больничная суета.

3

Меня освободили, отцепив от кровати. Теперь я могу двигаться. Доктор не соврал.

Боль в руках и ногах ушла, и я даже смог нормально поспать. Обратил внимание на многие мелочи, которые раньше не замечал.

Мне приносят еду сюда, потому что я еще слишком слаб, чтобы пойти вместе с остальными. День расписан по часам, трехразовое питание, свободное время, процедуры, прием лекарств. Я все это узнал от доктора, что каждый день приходит к нам.

4

Встал с кровати, опираясь на костыли. Прошелся до двери палаты и выглянул за нее, в коридор. Там было темно и ничего не разобрать. Немного закружилась голова. Вернулся к своему месту. Всего каких-то несколько метров, а я так устал.

5

Чувствую себя гораздо лучше. Познакомился со своими соседями по палате. Они все замечательные люди, хоть и немного странные. Но вообще, жизнь в больнице такова, что у тебя мало личного пространства – ты словно не принадлежишь себе. Зато очень много времени. Большинство начинает нервничать от долгого пребывания здесь.

6

Чем же себя занять? Поговорить не о чем, пойти куда-нибудь нельзя. Стучу по металлической спинке кровати, отбивая ритм. Чувствую, как этот ритм отдается эхом в моей голове. Пульсирует все сильнее.

7

Еще не открыл глаза, а уже зажмурился от головной боли. Приподнимаюсь и шурясь оглядываюсь вокруг. Каждое движение отдается болью. На соседней койке полусидит человек, которого я раньше здесь не видел.

С трудом приподнялся еще и оглядел его внимательнее. Это был человек средних лет, сильно обросший, да так, что я не видел его глаз, и болезненно худой. Ниже коленей у него ничего не было.

Этот человек держал в руке зажженную сигарету и время от времени затягивался ею.

У меня не было сил позвать кого-нибудь. Я только продолжал всматриваться сквозь небольшую дымку дыма на своего соседа. Его обрубленные конечности ничем не были прикрыты. Сросшаяся неровно кожа, неестественного цвета, с областями открытых участков, пораженных разрушительным процессом, вроде гниения.

Но эта ужасная картина внешне никак не волновала его. Он затаился и медленным движением руки поднес сигарету к ноге, и потушил ее о свое тело.

Мое воображение даже дорисовало неприятный звук тушения кончика сигареты о его тело, но все это происходило в полной тишине.

После этого он достал из лежащей тут же на кровати пачки следующую сигарету и закурил снова. Сигаретный дым сгустился. Меня начинало подташнивать. Я закрыл глаза, чтобы справиться со своим состоянием и попробовать уснуть, но не смог – а только примерно через каждые пять минут слышал чирканье спички и звуки тушения. Я ведь их придумал или нет?

8

Время остановилось. Только темнота и это чирканье. Нервы начинают сдавать.

Слышу, как к этим монотонным звукам примешивается еще один – мелкая, едва слышная металлическая дробь. Это моя кровать дребезжит?

Уйдите от меня.

Я прошу, включите уже дезинфицирующее светило в палате. Откройте окна, я хочу посмотреть в них и увидеть что-то кроме белого, слепящего света. Выпустите меня отсюда. Умоляю вас. Вышвырните микробов, заразу, этого моего соседа, убивающего себя, всех, всех, всех...

9

Я перемещаюсь. Плавно и не спеша, а надо мной полосы света, сопровождающие меня.

Голоса, прекрасные голоса, смешиваются с грязными ругательствами. Я всех их слышу. Кто все портит?

Остановились.

Схватили меня за руки и ноги. Не дамся им. Верните меня в мой прекрасный мир. Пустите...

Меня снова приколачивают к кровати, лишая сил...

Я молю дезинфицирующее светило освободить меня.

Кварц в палате отключили. Пациенты возвращаются с завтрака.

Разговор с емкостью

Проснулся. Ничего не видно вокруг и хочется пить.

Теперь глаза привыкли, и в темной комнате обозначились силуэты предметов. Самым ярким и отчетливым является окно. С моего места в него не видно ни зданий, ничего, только кусок ночного неба, лишенный светом города звезд.

Подоконник завален различным хламом, образующим свой силуэт загадочного города с неровными и накрененными в разные стороны зданиями.

– Здравствуй, емкость!

– Здравствуй.

– Ты позволишь мне испить из тебя?

– Да.

Я утоляю жажду водой, в которой разбавлены редкие отсветы города. Во мне они разливаются по всему телу и прогоняют сон прочь.

– Мне не с кем поговорить. Только ты, сформованная по единому образцу с налитой внутри тебя водой, – мой единственный собеседник этой ночью. Ты когда-нибудь думала о том, почему внутри тебя остаются отблески света?

– Мне этого не дано понять, потому я и не думаю об этом. Достаточно того, чтобы ты утолил жажду из меня. Это мое предназначение.

– Как глупо, ведь завтра или послезавтра я выброшу тебя, как только в тебе закончится содержимое. Ты всего лишь пластиковая форма, и даже тот свет, что задерживается в тебе, не делает тебя сколь-либо лучше. Что есть внутри тебя что-то, что нет – по сути, ничего не меняется, ты пуста. Просто пустая бутылка, почти допитая до конца.

– Пусть так, я ничего на это не отвечу.

Я допил воду до конца и поставил бутылку обратно уже действительно по-настоящему пустой.

Больше ты не заговоришь со мной.

Наступало утро, и солнце, первые его лучи, отразились в маленьких каплях на стенках пустой формы и наполнили ее, пусть и на короткий миг, светом.

Прости меня, я был несправедлив к тебе. Я ничем не лучше тебя, также заполнен ограниченным содержанием, которое однажды также закончится, а мою пустую оболочку просто отбросят прочь, как и я поступил с тобой. Я долью в тебя воды, ты сможешь продолжить стоять на подоконнике, на случай, когда мне в следующий раз захочется пить или нужен будет друг.

Дом в цветке

1

Нарождался, зрея по спирали внутри своего дома. Хватал тьму и поглощал ее, все добавляя в себя новые оттенки черного. Сжимался до размеров небольшого семечка, черной точки.

Пора выходить. Один из лепестков нераскрывшегося еще цветка отпал сам собой, выпустив меня наружу.

Пористая земля надвинулась, но это я на самом деле упал на нее.

Щупальца, стелящиеся по земле, встрепенулись, отреагировав на движение, и попытались схватить меня. Но им не уцепиться и ничего мне не сделать. Пошарив так, они успокоились и приняли прежний свой вид.

Не успел осмотреться, после того как выпал из цветка.

Передо мной зеленая штриховка, неровная, настолько густая, что сливается в одно пятно. Но можно различить, как каждый слой был прорисован привычным движением. Нужно найти открытое место. Заступаю за самый первый слой штриховки и углубляюсь дальше.

2

Щелк. Щелк. Щелк.

Слышу потрескивание и приближаюсь к источнику этих звуков. Здесь очень душно и сыро. Синие капли неба попадают сюда через мельчайшие прорехи в зеленых штрихах. В тех местах, которые я задевал, остаются мои следы, по ним придут и другие.

Теперь я вижу тех, кто издавал эти звуки. Шестиногие коричневые создания, многосоставными челюстями разрезающие края штриховки.

На меня они не обратили особого внимания, только оглядели своими глазами, похожими на копии меня, заключенные в их большие головы.

На земле видно вмятины, образовавшиеся от их передвижений. Это не подходит.

Продолжил продвигаться в противоположную от этих следов сторону.

3

Звуки стихли. Выскользнул из очередной серии штрихов на открытое пространство. Здесь земля несколько отличается от той, по которой я до этого передвигался.

Это более рыхлая субстанция, все время меняющаяся, размещаемая невидимыми мне существами. Все происходит в тишине, чувствуется только вибрация, исходящая от этого места.

Мне не пройти здесь напрямую, слишком опасно, можно увязнуть в этих частицах.

Двигаюсь в обход, по краю этой круглой поляны. Мои движения осторожны, чтобы не упасть в самую гущу перемешиваний. Слежу за этим процессом не отрываясь. Ощущение движения и перекаты почвы синхронизировались во мне. Каждый отрезок пройденного пути вызывает определенный ответ от этого места. Два штриха преодолены, и земля полностью размещается от внешней границы к центру по спирали. Еще два, и то же самое происходит, но в обратную сторону. Еще несколько, и центр земли, пульсируя, вздымается все выше, и частички земли скатываются к краям. Этот цикл повторяется.

Внешне не затронутый, затягиваюсь в центр этого бурления, двигаясь уже, кажется, несколько кругов подряд и не останавливаясь, не способный оторваться от этого и свернуть в сторону.

Как часть механизма, от которой зависит продолжение этой работы.

Кромка недалеко от меня обрушилась вниз, не задев. Это вернуло меня из этого странного состояния. Нужно оторваться скорее от хождения по кругу и уйти, пока меня не увело за край.

Но у меня не получается, я частично не принадлежу себе самому. Эта вибрация проникла внутрь и стала передавать смысл этого движения.

Еще один уступ неподалеку обрушился, а вместе с ним я упал туда.

Мягкая, совсем рыхлая земля смягчила падение. Вибрация чувствуется здесь сильнее.

Заметил, что характер движения почвы изменился. Вся масса устремила к центру, увлекая меня за собой.

По мере приближения к нему вибрация становилась сильнее, и теперь в ней не осталось промежутков, когда она прекращалась. Постоянный, монотонный взрыв.

В середине образовался провал, в который, как в колодец, падаю я.

Синее небо, влажно нависавшее надо мной все это время, сужается и сужается в окружность и по мере моего падения превращается в едва заметную синюю точку.

Вибрация затихла на миг.

Падение прекратилось. Затем едва слышимый звук, после которого меня с невероятной скоростью вытолкнуло обратно наверх. Еще быстрее, чем небо сузилось в точку при падении, оно приняло меня и обволокло.

Оказался далеко от поверхности.

4

Густой и яркий голубой цвет. Здесь движение мне не подвластно. Все кружится вокруг меня и происходит независимо от чьей-либо воли.

Объектов крупнее меня нет, только чистые цвета и прозрачные и полупрозрачные структуры.

Невидимая сила подхватывает меня и швыряет из стороны в сторону. Голубой цвет, в котором я нахожусь, разделяется на отчетливые оттенки белыми линиями, которые все время распадаются, а оттого кажутся движущимися.

Границы оттенков то утолщаются, то истлевают до едва заметных черточек, но не исчезают полностью.

Также пролетают прозрачные, с видимыми только оболочками, изогнутые палочки и кружки. Все это движется и существует по своим собственным, отличным от земных законам.

Пролетая через прозрачные фигуры, ощущаешь, что в этот самый миг все меняется вокруг. Становится видна дополнительная плоскость. Хаос приоткрывает свои секреты. Но это длится, только пока вы с прозрачностью составляете единое целое. После кажется, что ничего не было и это только привиделось.

Когда эти прозрачные формы сталкиваются между собой, происходит их объединение в более замысловатую, непохожую ни на одну из прежних фигуру.

5

Сеть линий, отделяющих разные оттенки голубого, находится в постоянном движении, меняясь в очертаниях, но оставаясь неизменной одновременно.

Они пребывают в равновесии с голубым, заключенным в них, изменяя свои очертания в зависимости от насыщенности цвета и количества прозрачных форм, содержащихся там. Фигуры способны проходить сквозь линии и путешествовать между оттенками.

Последствия моего взаимодействия с белыми пористыми линиями таковы, что, пройдя сквозь них, я запачкал их черным.

Это загрязнение, как инородный элемент, распространилось по всей длине, исказив первоначальную белизну, и привело линию в еще более активное движение, которое передалось всем остальным, всей сети.

Это возбуждение привело к тому, что все полупрозрачные и прозрачные фигуры стали сливаться в одну большую, а когда это произошло, столкнулись со мной.

Удар был настолько сильный, что вынес меня за пределы неба.

6

Это место напоминает мне то, откуда появился я. Темнота.

Все же есть отличия, это небольшие, далекие и едва заметные источники света.

Попытка приблизиться к ним ни к чему не привела, так как здесь нет движения, как и нет моего тела.

Если таким образом не выбраться, то стоит попробовать, как и до моего рождения, втянуть в себя всю тьму.

Попытка. Чем больше черного цвета оттягиваю, тем ярче становится источник света. Еще и еще, и вот уже он стал настолько ярким, что невозможно его воспринимать.

Темнота схлынула под напором этого света, и я обнаружил себя падающим на землю.

7

Приземление уменьшило меня, увеличившегося от впитывания темноты, до обычного размера.

Выйдя из зарослей зеленых штрихов, оказался у кромки синего, где с шипением тонул вдалеке оранжевый шар, на который еще и сверху лился поток другого оттенка синего цвета.

От шара с шипящим звуком во все стороны исходили полупрозрачные линии и тут же исчезали.

8

Это не то место.

Позади лес ошетилившихся зеленых штрихов. Туда не имеет смысла возвращаться. Лучше двинуться вперед.

По мере продвижения погружался в синий цвет, но уже отличный от того, который я видел.

Цвет густел, в зависимости от расстояния, преодоленного мной. Синий не переходил в черный, но становился похожим на него.

Погрузившись полностью в этот цвет, стал опускаться на землю, существующую здесь. Но тут она мягче и податливей.

Чем дальше, тем интереснее, ведь тут также есть зеленые штрихи, более размашистые и движущиеся из стороны в сторону.

Должно быть, уже близко к оранжевому шару.

Я вижу, что половина оранжевого, погруженная в этот оттенок, теперь надо мной.

Благодаря оранжевому синий оттенок здесь чист и скорее напоминает голубой, а зелень, присутствующая тут, вкупе с мягкой землей создают мир, точь-в-точь напоминающий тот, куда я стремлюсь.

Это то, что нужно. Идеальное место. Останавливаюсь и укутываюсь в мягкую землю. Скрыт ею и оказываюсь в привычной темноте.

Только теперь вместо того, чтобы вбирать в себя черный цвет, отдаю его сам.

Почти все готово – я выполню свое предназначение. На этом месте вырастет цветок, на котором со временем сформируется, а затем развернется бутон, и все повторится вновь.

Осадок в стакане

Прозрачный стакан, в который из чайника наливается напиток.

От него идет пар, консистенция его содержимого неоднородна, и только заканчивается небольшая буря в стакане. Но чай не просеян, и в мой стакан попали маленькие человечки. Они машут руками, беспомощно пытаюсь остаться на поверхности, цепляются друг за друга и тянут вниз.

После того, как они тонут до середины стакана, перестают двигаться и отцепляются от других. На дне уже братская могила, забитая их бездыханными телами.

Подношу глаза к обратной стороне прозрачного дна и смотрю. Стоит немного наклонить стакан, и они сваливаются в одну кучу, в другую сторону— они перемещаются туда.

Мне не нравится этот напиток, но я делаю раз за разом глоток, стараясь не выпить случайно вместе с чаем пару мертвых людей.

Ужасный вкус, терпкий, отдающий с каждым глотком все больше мертвечиной и землей. Но это все, что у меня есть, а поэтому я допью этот стакан до конца.

А потом налью себе и еще и буду заново смотреть на минутную трагедию жизни в моем стакане.

Этих маленьких людей не спасти, это только предсмертные судороги, и все они погибают, будучи заваренными, а в стакан попадают только еле живые, состоящие из агонии будущие мертвецы.

Делаю последний глоток.

Равнина в переулке

Бесцельная прогулка по городу как превращение себя в единственную частичку хаоса среди продуманного и точного движения.

Лучше свернуть с многолюдных улиц туда, где никого нет. Во дворы.

Уже темно, и свет фонарей выхватывает свой определенный участок местности, и половину пути ты идешь сквозь сумрак, а вторую – через освещенные сегменты.

Освещенные, светлые участки позволяют разглядеть все вокруг, но мне всегда больше нравилось идти по неосвещенным, скрытым темнотой местам.

Мне так спокойнее, несмотря ни на что, хотя все же сегодняшняя прогулка не приносит того облегчения, которое я обычно испытываю во время нее.

Тогда я пойду в свое любимое место. Ускоряю шаг и все быстрее приближаюсь к началу разветвленной системы переулков и дворов. Нырять туда и иду по ставшей привычной дороге. Звуки городской жизни отступают от меня. Еще один поворот, и я на месте – ничем не примечательная арка в переулке.

Пройдя сквозь нее, я выхожу на равнину, поросшую зеленым сочным вереском и травой. Здесь тоже ночь, но небо полно звезд, так что мне все прекрасно видно. Ветер слегка колышет траву, и каждый мелкий шорох объединяется с другими, образуя мягкое шуршание, что отдается в каждой клеточке моего тела. Это меня успокаивает.

Несмотря на этот шум, здесь очень тихо. Все звуки словно не касаются моего слуха. Ложусь на траву и закрываю глаза. Не чувствую движения времени. Никого, кроме меня, нет. Я скрыт темнотой, но и с закрытыми глазами мне все видно.

Равнина дышит и поет, создает музыку вместе с существами, живущими здесь. Сегодня я привношу в эти бесконечные мелодии стук своего сердца.

Рамки

На меня из прямоугольной рамки смотрит человек. Затем, не выдержав, отводит глаза и уходит. А я продолжаю пристально следить за ним.

Он со всех сторон окружен большими рамками и точно не знает, куда ему направиться. Поколебавшись, он решается и протискивается сквозь одну из них. По дороге доходит до движущейся коробки, внутри которой грудой свалены рамочки поменьше, в одну из которых он вписывается, заплатив за это.

У него есть цель, по его сосредоточенному, несколько замкнутому выражению лица это чувствуется. Коробка, брэнча своим содержимым, сползает вниз по путям. Проходит сквозь несколько больших рамок и останавливается внутри одной из таких.

Мой друг выходит и по узким подземным коридорам идет до пункта назначения. Несколько раз он преодолевает рамки, светящиеся красным. После одной из них он вместе с множеством других людей оказывается на поверхности. Людским потоком его выносит к большому зданию.

Он заходит туда, поднимается по многочисленным и запутанным лестницам на самый верх. Новая рамка принимает его.

Здесь его место. Он заметно успокаивается в тишине этого места. Садится и приступает к своей работе. Берет в руки белые рамки и заполняет их, а затем откладывает в сторону. Так проходит целый день. Из одной стопки в другую. Заполненные – к заполненным, а бракованные или неправильные – на выброс. Вот и вся его работа.

Да, все это ерунда. Прости меня, друг. Это я, я, заполняющий рамки белых листов бумаги раз за разом. Это и есть моя работа.

Роды

Мой левый глаз начали сотрясать первые схватки. Роды начались. Хватаюсь за глаз, чувствую, что боль больше, все больше и больше охватывает меня.

Я еще дома, нужно скорее добраться до места, пока все не закончилось. Выбегаю из дома и со всей доступной мне скоростью несусь в сторону набережной. Должен, должен успеть.

Веко над левым глазом начинает трескаться. Боль становится просто невыносимой. У меня осталось совсем немного времени. Сумерки начинают затуманивать все вокруг. Левый глаз закрыт, а правым я вижу все очень размыто и мечусь из стороны в сторону, пробегаю одни и те же дворы по несколько раз – словно бегаю кругами.

К боли от растрескивающегося века прибавилась пульсация внутри самого глаза. Это означает, что осталось совсем немного, считанные минуты. Рискнув, бросаюсь в один из проходов, надеясь на то, что это выведет меня напрямую к набережной.

Я вижу, вижу едва заметную вдалеке кромку воды, сдерживаемую бетонными сооружениями.

Бегу что есть мочи, каждое касание моих ног поверхности отдается во мне болью. Пульсирующая боль в глазу и боль во всем теле при беге сливаются воедино. Через эту боль я выбежал напрямик к воде. Солнце уже наполовину скрылось за горизонтом.

Пальцами трясущейся руки оттягиваю с силой распухшее веко. Последние солнечные лучи ударяют в мой невидящий глаз и пробуждают то, что нарождалось в нем все это время.

Оранжевый шарик, испускающий все цвета радуги, вышел из меня и плавно покотился в воду. В момент, когда он скрылся под водой, последний луч солнца упал на измученного человека на берегу, плачущего и задыхающегося от горя.

Вода еще долго после этого светилась изнутри, отбрасывая слабые отсветы на человека, понуро свесившего голову и сидящего на берегу.

Ребенка уже не вернуть.

Открытая форточка

Открывается форточка, скрип, хрысь.

Ногам становится прохладно от сквозняка. Мне очень душно, совсем не хватает кислорода. Буквально погружаюсь лицом в небольшой воздушный поток, идущий от нее. На раме трепыхаются маленькие ворсинки, машут мне и кричат на своем наречии. Мне непонятно, но настроения они не портят.

Форточка закрылась. Сразу навалилась головная боль и духота. Ворсинки, придавленные рамой, уже не говорят, а только шепчут мне свои послания.

Открыл обратно. Сквозняк отделил по частицам мою голову от тела и понес ее осматривать дом, пока остальное тело прохлаждалось у окна.

Но ничего не понятно, все слишком быстро мелькает, как в калейдоскопе, и перемешивается вместе с теперь обнаруженными мной слоями пыли в моих глазах, обваленных в ней.

Так полетала моя голова, вернувшись уже изрядно испачканной и пыльной. Не хватает все же свежести воздуху, дующему мне в лицо.

Чуть сухим языком облизываю потрескавшиеся губы. Боюсь выйти на улицу, но в то же время нуждаюсь в этом, в мире – иначе бы я здесь сейчас не стоял в неудобной позе и не всматривался в эту щелочку.

Закрою ее сейчас и немедленно выйду. Нет, нет, нет...

Оставлю открытой, лучше так, так не страшно.

Закрою, нужно обязательно это сделать, не трусь.

Открою, это безопаснее, есть к тому же...

Закрою, все, собираюсь, выхожу.

Выходи, выходи – отчетливо кричат на понятном мне языке ворсинки.

Выйду, закрыв окно...

Стоит сначала привыкнуть с открытым, а только после этого можно попробовать.

Замолчите... Хватит.

Выйди – открой и выйди, закрой – закрой, выйди и закрой.

Захлопни и на улицу, выйди и закрой за собой...

Открой...

Рука тянется к ручке, но решение еще не принято мной.

Захлебываюсь в кровати

1

В превращении моей уютной кровати в опасное для меня же самого место виноват только я. Она была суха, и я мирно отдыхал в ней каждую ночь.

Но сны влекли меня, и я слишком сильно погрузился в них. Спал с открытым ртом, спал сладко, затапливая постель своими слюнями. Когда же их стало так много, что они подступили ко мне, почти скрыв под собой, я проснулся.

Один, посреди бушующего океана, промокший до нитки, я не мог уснуть, нет, даже сомкнуть глаз, чтобы прогнать это наваждение.

Волны накатывают, накрывая с головой. Но под водой можно дышать, хоть и с трудом. Ворочая меня таким образом из стороны в сторону, волны лишают остатков сил.

Я уже теряю способность здраво мыслить.

2

Большая волна с головой накрыла меня и закружила с такой силой, что я был отброшен куда-то с огромной скоростью.

Оказался в кипящей среде, когда сориентировался, где нахожусь. Вокруг только пузыри пены, лопаются и возникают так быстро, что пены становится только больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.